

Евгений ГРИШКОВЕЦ, режиссер:

Время героев-интеллектуалов ушло. И это ужасно обидно

НАДЕЖДА ЛЕБЕДЕВА

Вчера во МХАТе сыграли премьерный спектакль «Осада». Его поставил Евгений Гришковец. Жанр постановки правильное всего определить так: Гришковец без Гришковца. Кумир театральной интеллигенции попытался доказать, что кроме собственных монологов он в состоянии ставить большеформатные спектакли, которые будут потом жить совершенно отдельно от их создателя жизнью. «Осада», как и предыдущий спектакль «Дредноуты», опять о войне. Сразу после премьеры Евгений ГРИШКОВЕЦ дал интервью обозревателю «Известий» Марине ДАВЫДОВОЙ.

— Вы довольны тем, как прошла премьера?

— Сегодня все шло несколько дольше, чем мы задумывали. Просто в силу непритертости какой-то. Но в целом доволен.

— Это была ваша идея — поставить спектакль во МХАТе или же она упала откуда-то сверху?

— Я решил, что если делать что-то в «регулярном театре» (это мой термин), то лучше, чтобы это был главный театр страны. А как ни крути, это Московский Художественный театр. Но, честно говоря, без Эдуарда Боякова я не решился бы на такую авантюру. С точки зрения репертуарной политики у этого спектакля был ряд

странностей. Строго говоря, это вообще не формат спектакля, а скорее формат театрального проекта. Например, никакой пьесы поначалу не было, она придумывалась совместно на репетициях, зато декорация должна была быть готова еще до репетиций. Мне нужны были для этого спектакля музыканты, которые играют на улице. Я пригласил на одну из ролей своего давнего товарища по кемеровскому театру «Ложа» Михаила Какосова. Ко всем этим условиям, которые виделась мною как жизненно необходимые, в иной ситуации могли бы отнестись как к чему-то несущественному.

(Окончание на 13-й стр.)

Евгений ГРИШКОВЕЦ, режиссер:

Время героев-интеллектуалов ушло. И это ужасно обидно

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— То есть вам нужно было некое прикрытие в виде продюсера.

— Можно, конечно, и так сказать. Но дело в том, что конфликтов со МХАТом в результате не было. Мне создали совершенно приемлемые условия для работы. И теперь, когда все уже готово, для меня крайне важно, чтобы этот спектакль имел вид обычного репертуарного спектакля. Чтобы в этом не было никакого манифеста.

— Но в вашей личной истории постановка репертуарного спектакля, да еще во МХАТе, сама по себе уже является манифестом.

— Да, конечно. Этот спектакль — ответ на очень важный вопрос: может ли быть спектакль отделен от меня в принципе. А еще мне надо было доказать, самому себе доказать, что мхатовские артисты — некоторые из них блистательные и гораздо более опытные, чем я, — могут без истерики и внутреннего конфликта принять мою технологию.

— Вы сказали, что у вас сначала не было текста. Совсем не было?

— Совсем. Он существовал только в виде некой придуманной мною истории. Дальше была коллективная импровизация.

— А декорация Лариса Ломакина тоже делала по вашему рассказу?

— Да, по рассказу, и еще у нее была маленькая бумажка, которую я нарисовал своей рукой, сидя в каком-то кафе в Вене. Я обозначил на этой бумажке все, что мне нужно: флагшток, маленький театрик, в котором на заднем плане море, небо, облака. В общем, все стихии.

— Все же любопытно. Пьесы нет, вы приходите на репетицию и что говорите артистам? Их же надо как-то зацепить.

— Структура, смысл и композиция представления были ясны с самого начала. И это делало меня спокойным от начала и до конца. Хотя на первой репетиции было, конечно, сложнее всего. Они сидели и смотрели на меня немного недоуменно. Но к концу первой репетиции у нас уже был в общих чертах готов рассказ о Геракле.

— Мне показалось, что этот ваш спектакль, сделанный как иронический параврафраз древнегреческих мифов, находится в очень сложном внутреннем диалоге с предыдущим спектаклем «Дредноуты», в основе которого лежала хроника Первой мировой.

— Безусловно, диалог сложнейший. Спектакль «Осада» мною задумывался давно, но только сейчас, после «Дредноутов», он актуализи-

ровался. Я опять сделал сентименталистский спектакль. В нем совершенно сказочные пространство, время, персонажи. Не мифологические, а именно сказочные.

— «Дредноуты» — монологический спектакль, в нем позиция автора и исполнителя очень жестко сформулирована: только в горниле сражений можно превратиться из просто человека в героя — вот, если, конечно, очень огрублять, пафос «Дредноутов». В «Осаде» он подвергнут сомнениям.

— Да, «Осада» — более диалектический спектакль. Я попытался спроецировать вонне диалог, который продолжается внутри меня.

— Почему вас вообще так занимает тема войны? Вы же такой мирный с виду человек...

— Эта тема обостряет — не хочется слово «абсурдность» употреблять — скажем так: смятение перед жизнью. Там, на войне, очень остро существует тема смерти. Ежедневной, иногда даже ежеминутной. Перед ее лицом человек преобразуется. Можно, конечно, вспомнить тут экзистенциалистов. Но мы не будем их вспоминать. Правда ведь?

— Сложно их не вспоминать — проблема войны и здесь, и в «Дредноутах» решается, по моему, исключительно в экзистенциальном плане.

— Да, только в «Осаде» я попытался эту тему немного снизить. Даже сама смерть выглядит в этом спектакле немного забавно. В «Дредноутах» этого снижения не было. Там все шло крещендо.

— В «Осаде» выведен несколько неожиданный образ Ахилла. Это такой рефлексивный герой. И он, практически единственный из всех персонажей, говорит очень гришковцовскими словами. Как этот Ахилл, могли бы рассуждать вы сами в «Дредноутах» или «Одновременно». У меня возникла мысль — не знаю, согласитесь вы или нет, — что это ваша мечта: оставаться самим собой, таким тонким, рефлексивным интеллигентом и при этом быть мужественным героем в шлеме и с мышцами.

— Боже мой. Неужели это читается? Ура!!! Я просто поверить не могу. Так правильно все угадано. Только в Ахилле есть прямое совпадение с героем спектакля «Дредноуты», то есть со мной в каком-то смысле. Понимаете, если ты получил университетское образование, прочитал много умных книжек, ты уже героем быть не можешь. Может, раньше — еще в годы Первой мировой — мог, а сейчас точно не можешь. Время героев-интеллектуалов ушло. И это ужасно обидно.

61

Давид